

ВСЕСОЮЗНЫЙ ПУШКИНСКИЙ ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

«СВОБОДЫ ВЕРНЫЙ ВОИН...»

Давид Восток - Сташкевич - 1991 - 6 июня

Интервью с великим поэтом, взятое посредством его переписки с друзьями, воспоминаний современников и, конечно же, бессмертных произведений самого Александра Сергеевича Пушкина.

— Человека легче понять, когда знаешь, что он любит, а что не приемлет всей душой. Итак, что вы...

— Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали.

— А для чего вы пишете?

— Благо, я не принадлежу к нашим писателям XVIII века: я пишу для себя, а печатаю для денег. Но ничуть для улыбки прекрасного пола.

— Многие великие любители потешить свое тщеславие

написанием мемуаров. Как вы относитесь к этому роду творчества?

— Писать свои мемуары заманчиво и приятно. Никого так не любишь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая. Перо иногда останется, как с разбега перед пропастью, — на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать суд людей — не трудно; презирать суд собственный — невозможно.

— Хочу представить вашу жизнь. Оказывается, невозможно. Человек теряется, а на первый план выступает гений. Тогда пытаюсь представить хотя бы ваш будничнейший день...

— В четвертой песне «Онегина» я изобразил свою жизнь.

Прогулки, чтение, сон глубокий,
Лесная тень, журчанье струй,

Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй...

— Вы любите путешествовать. Молдавия, Кавказ,

Крым, Украина, Псковщина, Тверской край, Поволжье, Приуралье — свыше 30 тысяч верст проехали вы по почтовым трактам России. Наверное, как и Гоголь, можете сказать: «Какое странное и манящее, и несущее, и чудесное в слове «дорога»! И как чудна она сама, эта дорога»?

— ...За двадцать лет извездил я Россию по всем направлениям... Несколько поколений ямщиков мне знакомы, редкого зрителя не знаю в лицо, с редким не имел дела.

— Какой совет вы дали бы молодому человеку, вступающему в самостоятельную жизнь?

— Фамильярность всегда вредит. Особенно же остерегайся допускать ее в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем. Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать: люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе. Никогда не принимай одолжений. Избегай покровительства, потому что это работает и унижает. Никогда не делай долгов, хотя и терпишь нужду. Поверь, она лучше неизбежности

оказаться бесчестным или прослыть таковым.

— Народ пишущий любит иногда, оправдывая свою лень, говорить об отсутствии вдохновения...

— Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудой: вдохновения не сыщешь, оно само должно найти поэта.

— Ваш младший современник Александр Иванович Герцен писал о себе: «Я назначен собственно для трибуны, форума так, как рыба для воды». А вы, Александр Сергеевич? Не могу поверить, что

Не для житейского

волнения,
Не для корысти, не для битв,

Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв.

Не могу представить вас без политического и литературного диалога, полемики, интереса к публицистике — «политической прозе», по вашему выражению...

— Нужно сознаться, наша общественная жизнь — грустная вещь. Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству поистине могут привести в отчаяние.

— «Грустных вещей» хватает и в нашей общественной и литературной жизни. Горько сознавать, но и ваше имя, как разменную монету, порой используют современные литературные

и политические фальшивомонетчики. Правда, с корабля перестройки, как полвека назад с «корабля современности», им не удастся вас сбросить...

— Вниманья слабого предмет уединенный, К доброжелательству досель я не привык — И странен мне его приветливый язык. Смешон, участия кто требует у света! Холодная толпа взирает на поэта,

Как на заезжего фигляра: если он

Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон, И выстраданный стих, пронзительно-унылый, Ударит по сердцам с неведомою силой, — Она в ладони бьет и хвалит, или порой Неблагодарно кивает головой.

— Я чту традиции «словесия журналистов» и в конце нашего разговора спрашиваю: каковы ваши планы?

— Я думаю пуститься в политическую прозу. ...Дело в том, что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзицы или моду, или политику. Неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто, кроме «Северной пчелы», ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября?

Юрий ПОПОВ.